

Оттолкнуться от прошлого и пойти вперед

А. В. Мальгин*

Встреча премьер-министров России и Польши Владимира Путина и Дональда Туска в Катыни показывает, как стремительно могут меняться к лучшему, казалось бы, устойчиво плохие отношения двух соседних стран. Этот опыт может стать моделью для разрешения других историко-психологических проблем в отношениях стран Восточной Европы.

Есть что-то неувовимо общее в русском и польском дипломатическом протоколе, общее, связанное с традициями средневековых «великих посольств», с их многоядностью, пышностью, некоторой бестолковостью, но при этом с обостренным вниманием к символическим деталям. Польская делегация, сопровождавшая премьера Дональда Туска в Катыни, как раз всем этим и отличалась.

Из машин и автобусов высыпали несколько польских министров, депутаты, священнослужители, руководители ведущих СМИ, не говоря уже о таких знаковых фигурах, как первые некоммунистические руководители Польши — Тадеуш Мазовецкий и Лех Валенса, а также кинорежиссер Анджей Вайда, чей фильм «Катынь» несколькими днями ранее был показан по каналу «Культура».

Встреча Владимира Путина и Дональда Туска в Смоленске стала тем переломом в отношениях России и Польши, который делает возможным совершенно иной сценарий взаимодействия этих стран в европейских делах.

Механизм исторического примирения

Параллельное становление государственной и внешнеполитической идентичности России и Польши — стран, которые в XX веке примерили на себя все мундиры сколько-нибудь заметных идеологий и режимов, не могло идти без активного, а зачастую и агрессивного мифотворчества, тем более что ми-

фотворчество это опиралось на традиционно не критичное в обеих странах отношение к собственной истории, равно как и на действительно трагические, страшные страницы, среди которых была и Катынь.

Попытки выйти из тупика исторических предубеждений, предпринятые на излете эпохи социализма и в начале 1990-х годов, в силу ряда причин оказались незавершенными. Незавершенность эта проистекала из высокой динамики и нестабильности тогдашней жизни, что не способствовало закреплению в общественном сознании самых, казалось бы, правильных шагов. Действительно, кто за чередой бурных будней, связанных с распадом политических режимов и государств, помнит, что ровно двадцать лет назад, 13 апреля 1990 года, Михаил Горбачев передал Войцеху Ярузельскому поименные списки польских военных, приговоренных к расстрелу? Только историки. Кто помнит, что еще в 1992 году Борис Ельцин отдал все основные документы, изобличающие Сталина и его сподвижников в совершении этого преступления? Опять только историки. Каждодневная жизнь была столь стремительной, а Россия и Польша решали столь разные и независимые друг от друга задачи, что в общественной памяти все это не отразилось.

Наверное, именно во внешнем контексте состоит принципиальное отличие российско-польского исторического диалога от польско-немецкого или франко-немецкого, которые начинались на фоне относительно спокойных 1960–1970-х годов.

Наши страны за последние два года приложили системные усилия к преодолению сложных проблем историко-психологического свойства. И большую роль в этом сыграла российско-польская Группа по сложным вопросам.

Политическое решение о формальном изменении статуса, а фактически о создании заново Группы

* Артем Владимирович Мальгин — советник ректора МГИМО, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России, член российско-польской Группы по сложным вопросам.

по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений, принятое в 2007 году, стало первым вкладом в выстраивание взаимопонимания по чувствительным сюжетам, напрямую связанным, казалось бы, с сугубо национальной гордостью или сугубо национальной трагедией.

Когда группа создавалась, никто толком не представлял характера и процедуры ее работы, да и круга рассматриваемых проблем. Неких писанных полномочий и обязанностей у нее не было и нет. Группа выстраивала свою работу, основываясь на политической интуиции и взаимном внимательном восприятии сторон. При этом важно, что с самого начала, в отличие от многих других «исторических», «общественных» групп и комиссий, у Группы по сложным вопросам выстроились конструктивные, но далеко не сервильные отношения с внешнеполитическими ведомствами двух стран. Тем самым она могла лучше чувствовать внешнеполитическую ткань, сохраняя общую прагматическую логику своих действий.

Группа не ставила себе политических задач, но фактически их решала. Решала, делая свою работу, связанную с доведением до широкой общественности, а главное, до правящих элит двух стран истины, очевидные историкам-профессионалам. Взаимное признание исторических фактов стало краеугольным камнем деятельности группы. Да и относительно интерпретации событий между польскими и российскими участниками практически не было серьезных разногласий, речь шла о том, как сделать эту интерпретацию общим достоянием.

Было выбрано два принципиальных пути. Один — подготовка общего издания по совместной истории двух стран, которое охватывало бы весь период с 1917 года до наших дней. Парадоксально, но, постаравшись выделить наиболее дискутируемые проблемы, мы обнаружили, что фактически книга становится очерками истории отношений наших стран, так равномерно легли в хронологические рамки сюжеты, вызывающие либо споры либо взаимный интерес. По каждому из сюжетов авторы, круг которых несколько шире собственно участников группы, подготовили два очерка — российский и польский.

Что из этого получилось, можно будет увидеть уже летом, когда книга появится на прилавках книжных магазинов России и Польши. Однако можно смело сказать, что издание будет интересным. Его предвестник — книга, скомпонованная на основе двух точек зрения на один и тот же сюжет и посвященная генезису Второй мировой войны, получила и в России, и в Польше самые хорошие читательские отклики.

Стратегические «да», тактические «нет»

Более дискретный, непубличный характер носила другая сторона деятельности группы, выражавшаяся в продвижении инициатив, которые рождались внутри группы, на уровень внешнеполитических

ведомств и принятия политических решений. Огромная роль в этом принадлежит сопредседателям группы — ректору МГИМО (У), академику Анатолию Торкунову и экс-министру иностранных дел Польши профессору Адаму Даниэлю Ротфельду. Академический бэкграунд и весомый общественный статус этих людей позволил пробить брешь взаимной закомплексованности пропагандистов и снизить запал политиканов, паразитирующих на трагических страницах совместной истории.

Главная же задача сопредседателей была сугубо позитивной — разъяснять, рассказывать, убеждать тех людей, которые не злонамеренно, а просто в силу отвлеченности от политико-исторической проблематики не понимали остроты того или иного сюжета, правильности артикуляции своих мыслей по чувствительным историческим вопросам. Не понимали, что недосказанная история может мешать строить настоящее и будущее. Наверное, не совсем корректно использовать термин «коммуникатор» для характеристики уважаемых сопредседателей группы, но с содержательной точки зрения это абсолютно адекватный термин для обозначения того, что они делали.

Думается, трудно переоценить значимость тех множественных отсылок к деятельности группы, которые дали премьеры двух стран и в Сопоте, и в Смоленске. Дорогого стоит реплика Владимира Путина: «Как мне сказали наши историки».

Но гораздо более важно, что высшие руководители России и Польши (а России, наверное, в большей степени) оказались способными буквально впитывать новую для них информацию и гибко реагировать на проблемы, вроде бы далекие от их текущих забот.

Можно ли говорить, что после 7 апреля 2010 года мы сняли проблему Катыни, а по сути, и все исторические вопросы с политической повестки дня наших отношений?

Да — если принять во внимание действительно эмоциональные, искренние и, наверное, потребовавшие серьезной душевной работы жесты и слова Владимира Путина у мемориала в Катыни. Да — если исходить из того, что руководитель правительства современной России подтвердил все сказанное его предшественниками, но гораздо более сильными и яркими словами. Да — если исходить из того, что два премьера, одновременно присутствуя на мемориальной церемонии, подтвердили абсолютно идентичный подход к пониманию того, кто жертва, а кто преступник. Да — если вникнуть в более широкий, нежели только польский, вопрос, антисталинский контекст и пафос выступлений Путина. Да — потому что с участием польского католического епископа была заложена православная церковь в Катыни. Да — если мы увидим, как обещано, парадный расчет Войска Польского на параде на Красной площади в Москве 9 мая.

Но, к сожалению, можно обозначить и несколько тактических «нет». Нет — потому что вот-вот начнет-

ся рассмотрение нескольких исков в Европейском суде по правам человека, связанных с неудовлетворенностью истцов решением российских судебных инстанций в отношении «катынских дел». Нет — потому что исторический рефрен стал привычным для внутривосточной политической борьбы. Нет — потому что российские радикалы по-прежнему, вопреки фактам, повторяют версию катынских событий, изложенную прокурором Вышинским.

Но, к счастью, это вопросы тактические, их достаточно быстро перемелет время, здравый смысл и политическая воля. Возможно, все эти три элемента сумеют должным образом задействовать в своей работе создаваемые по решению премьеров общие для двух стран мемориальные центры, которые займутся нашей совместной историей.

Владимир Путин в своем выступлении на пресс-конференции сказал, что со времени встречи двух премьеров в Сопоте в прошлом году произошла некая задержка с созданием этих центров, но сейчас работа будет форсирована и конкретные задачи будут поставлены министерствам культуры двух стран.

Заметить перемены

«Современная» часть встречи Владимира Путина и Дональда Туска одновременно и являлась логическим продолжением части «исторической», и контрастировала с ней.

Несмотря на постоянно повторяемую «мантру» о том, что у нас сложные отношения, Россия и Польша за последние три года эти отношения развивали предельно динамично. Тезис об их сложности скорее некий штамп, подтверждающий медлительность общественного сознания и средств массовой информации.

У нас не может быть плохих отношений хотя бы потому, что для Польши Россия является вторым после Германии внешнеторговым партнером. Варшава для Москвы — ведущий экономический партнер в регионе Центральной и Восточной Европы и в целом один из ведущих внешнеэкономических партнеров. Польша занимает девятое место во внешнеэкономическом обороте России. Да, кризисный 2009 год несколько снизил объемы взаимного товарооборота. Но ничего драматического не произошло. Нужно сделать скидку на то, что упали цены на энергоносители, которые и испортили статистику. Равно как улучшение отношений Варшавы и Минска несколько скорректировало схемы поставки польских товаров в Россию. Вместе с тем Россия и Польша сейчас переходят на качественно новый этап экономических отношений, когда будет возрастать роль более комплексных схем внешнеэкономического взаимодействия, основанных на взаимном инвестировании. Последнее является императивом в силу того, что относительно простой, хотя и качественный польский потребительский импорт все больше будет заменяться российской продукцией аналогичных ценовых и качественных ха-

рактеристик. Польские производители это начинают понимать. Не менее важны для польской экономики, которая практически лучше всех в Европе пережила кризис, внешние инвестиции, способные поддержать экономический рост. Избавление от политических фобий открывает российским деньгам дорогу в польскую экономику. Не случайно премьеры значительную часть своей встречи посвятили — а потом рассказали об этом на пресс-конференции — именно вопросам взаимного инвестирования.

Другое важное направление двусторонних отношений — энергетическое сотрудничество. Опять-таки здесь сильно разнятся реальное положение дел и различные спекуляции относительно «русского энергетического шантажа». И с точки зрения закупок российских углеводородов, и в плане сотрудничества в сфере транзита, где, в отличие от той же Украины или Белоруссии, у нас устойчиво работают схемы совместного управления транзитными трубопроводами, Польша — практически образцовая страна в регионе ЦВЕ. Подтверждением этому стало объявленное премьерами достижение договоренностей о закупках природного газа на период до 2037 года и по транзиту — до 2045 года.

Новыми направлениями, которые стали обсуждать еще в Гданьске в сентябре 2009 года, а продолжились в Смоленске, стали перспективы объединения электрических сетей для более стабильного обеспечения приграничных регионов и возможностей сотрудничества в сфере атомной энергетики. Другими словами, по линии двусторонних отношений в Балтийском регионе фактически начинается формирование новых очертаний объединенной с Россией энергетической системы.

На этом фоне сообщение Владимира Путина на пресс-конференции о начале строительства морского участка «Северного потока» выглядело еще одним логичным шагом на пути создания объединенного энергетического комплекса Европы и никаких возражений его польского коллеги не вызвало.

Изменим ЕС вместе?

В период после сентябрьской встречи активно велся российско-польский диалог по региональному сотрудничеству и местному приграничному передвижению. Взаимодействие Москвы и Варшавы в этом вопросе оказалось столь плодотворным, что позволило подготовить беспрецедентный документ — Совместное обращение к Европейской комиссии с призывом о совершенствовании действующих внутренних правил ЕС. Буквально за день до смоленской встречи премьеров представители двух стран передали его в Еврокомиссию.

Речь идет о предельно упрощенном порядке поездок жителей Калининградской области на сопредельные польские территории и обратно на глубину до 50 километров. По большому же счету, мы видим, что страна — член ЕС, Польша, фактически

солидаризуется с Россией и предлагает Еврокомиссии внести изменения в незыблемый, казалось бы, шенгенский режим.

Кстати, Польша, а за ней и Литва стали постепенно размывать ригоризм Шенгена именно через такие договоренности со своими соседями — Белоруссией и Украиной. Польша же пытается легализовать еще одно вполне справедливое и достойное подражание в России новшество для своих соотечественников, не имеющих польского гражданства, — «карту поляка». Такая карта дает определенные как визовые, так и внутристрановые льготы тем, кто исторически связан с Польшей и попадает в категорию, аналогичную российским «соотечественникам».

Взаимодействие с Польшей по европейским сюжетам, будь то энергетика, визы, общеполитические вопросы, важно развивать именно сейчас, в преддверии польского председательства в Европейском союзе, которое выпадет на 2011 год.

Москва и Варшава, думается, должны заранее «пробежать» по всей повестке, чтобы не решать вопросы в спешном режиме. Очевидно, что будущее польское председательство будет больше, чем любое другое, сконцентрировано на проблематике постсоветского пространства. Поэтому нам уже сейчас надо думать о том, как можно коадаптировать, приблизить друг к другу такие измерения европейской политики, как партнерство Россия — ЕС и «Восточное партнерство». Тем более что последнее имеет «польские корни».

На самом деле вопросов и задач европейской политики России, которые можно поставить и решить по линии контактов с Польшей, очень много. Если об этом серьезно задуматься, а потом научиться этим пользоваться, то мы логично придем к осознанию того, что в российском активе оказался один из важнейших, динамичных игроков европейской системы.

Главный шаг на этом пути мы сделали — оттолкнулись от прошлого.